

— Сплошная глушь... — подумал Фэн Цихэн. — Дикие земли.

В голове слегка шумело. То, что предстало перед глазами, кардинально отличалось от пережитого ранее. Температура и влажность достигли удивительно мирного уровня, что казалось совершенно нереальным — в конце концов, он только что чудом избежал смерти, и в мозгу еще бурлило не утихшее возбуждение.

Оригинит прочертил борозду под полозьями саней, освещая путь впереди. Ветер, проносясь по каменной пещере, в узком горле бездны затягивал песню сирен. Вокруг не было ничего, кроме скал — казалось, он проспал несколько веков и перенесся прямиком из конца кембрийского периода в девонский, миновав любые следы существования чего-либо, и лишь его собственные воспоминания остались неизгладимыми.

Короче говоря, это было поистине дикое место.

Но в чем он был абсолютно уверен, так это в том, что им действительно удалось сбежать. Грандиозный ледниковый катаклизм остался позади, под ногами была самая настоящая твердая земля, а вздымающиеся к небесам ледники постепенно растаяли в сознании как дымка. Он и впрямь порядком устал. Если бы его спросили, каково это — путешествовать сквозь туннель времени, он бы ответил, что головокружение и рябь в глазах — это еще цветочки, а вот ощущение, будто сто восемь здоровенных амбалов выжали из его тела все соки до капли — это чистая правда. Спустя секунду после того, как он открыл глаза, три часа непрерывающегося самовнушения заставили его рефлекторно попытаться подняться. Разумеется, за этим тут же последовал прилив крови к голове, онемение всего тела, и он плашмя рухнул назад.

Его тело дрожало, точно упавшая в воду птица, икры сводило судорогой, а ноги колотили по твердой земле.

Наконец-то у него появилось время на бессмысленные домыслы: «Наверное, это можно считать прибытием в «критическую точку» ледника. Впрочем, в определенном смысле ничего не изменилось».

Успокоив бушующую в жилах кровь, он заворочал глазами, оглядываясь по сторонам: «Упасть с такой безумной высоты и не разбиться, да на самом металлическом корпусе даже трещин не видно... Узнай я только, кто это изобрел — непременно преклоню колени и ухвачу за ноги!»

— Стоит ли идти дальше? Тело ломит, но усталости нет. Кстати, а не вырубился ли я часом сразу после приземления? — он моргнул. — Должно быть, от страха высоты потерял сознание, какая позорища!

— Пожалуй, можно попытаться продолжить путь. Но сейчас главная проблема — видимость. Оригинит полностью исчерпал себя, и если ледник рухнет снова... или случится еще что-нибудь подобное, мы можем заметить опасность, только когда она окажется прямо перед носом, а к тому моменту я, пожалуй, уже буду мертв. — Он приподнял туловище, сцепив

пальцы в замок. — И еще Нидхегг.

Его охватило подлинное чувство бессилия. Тащить снова по этой глуши Нидхегг — куда более рослую и сильную, чем он сам — задача непосильная. Пожалуй, не пройди он и ста метров, как сам окажется раздавлен ее весом.

Из носа вырвался слабый хмыкающий звук. Взгляд Фэн Цихэна просветлел, и он на четвереньках бросился к женщине, хотя в этот момент понял, что его собственные ноги превратились в две бесчувственные веревки.

— Ты очнулась! — Фэн Цихэну показалось, что сейчас он обращается с сердечным приветом к «товарищу», с которым только что зародилась революционная дружба.

Очнулась — и слава богу, очнулась — и слава богу, — его лицо расплылось в улыбке. Ах, наш милый маленький товарищ, другие могут защитить тебя от ледяного ветра, помочь перевалить через горы... но идти по дороге жизни все-таки куда интереснее самостоятельно.

Все дело в том, старый товарищ больше просто не в силах выносить твой вес!

— Сопровождающий Богов? — произнесла Нидхегг.

Ну слава богу, слава богу, для начала исключим черепно-мозговую травму.

— Я, я это. Как ты себя чувствуешь? — Фэн Цихэн закивал, как цыпленка клюющий зерна.

— Где это мы?

— Ой-ой, похоже, с головой все-таки не все в порядке... Это Царство Великой Пустоты, товарищ! Сначала мы сделали вот так-так, а потом вот этак-этак, после чего я проделал с тем-то и тем-то вот это — и вот мы здесь. — Он не собирался вдаваться в подробности: фильтрация информации позволяла эффективно избегать ненужных хлопот.

Нидхегг попыталась приподнять тело, но судорожно задрожала и снова рухнула на землю.

— Эй-эй, не дергайся ты! У тебя куча переломов и колотых ран, крови вытекло столько, что хватило бы заполнить целый грузовик. То, что ты до сих пор жива — уже чистой воды монстр, знаешь ли. Дергаться и вправду смертельно опасно! — лицо Фэн Цихэна сделалось серьезным. — Сейчас тебе нужно больше отдыха.

Нидхегг моргнула, а затем кивнула, показывая, что все поняла, однако запекшаяся кровь на лице придавала этому послушному выражению довольно жуткий вид.

— То-то же. Не переживай, дальше все беру на себя. — Его рука зависла над телом Нидхегг, после чего он осторожно похлопал ее по плечу.

— Ты... — Дракони́й хвост Нидхегг обвился вокруг его щиколотки.

На лице Фэн Цихэна запечатлелся немой вопрос. Жизненная сила лежащей перед ним женщины угасла настолько, что казалось, будто ее вовсе не осталось, но она все равно отчаянно пыталась что-то сказать.

Уперевшись руками в землю, он всматривался в лицо женщины, чьи губы шевелились в каком-то неясном бормотании, а сама она подалась вперед. По сравнению с его собственным слепым оптимизмом, прислушаться к мнению местного «аборигена» было бы куда более разумным решением.

Он остановился, когда до лица Нидхегг оставалось всего сантиметров тридцать — это был предельный угол наклона, доступный его напряженным суставам. Однако женщина вдруг повела рукой, словно атакующая змея, обвила его шею, и костлявые пальцы легли ему на затылок. Мысли Фэн Цихэна явно затормозили; прежде чем он успел сообразить, что к чему, Нидхегг с силой потянула его на себя. Его шаткие суставы вмиг сложились, и он рухнул прямо в объятия Нидхегг.

Леденящее ощущение растаяло на губах, а прикосновение кожи на сей раз несло в себе куда больше смутных, неопределенных ноток, чем во время бегства. Он вытаращил глаза, и в голове звучал лишь гулкий стук собственного сердца.

Опять, опять, опять, опять, опять! — в голове Фэн Цихэна словно бомба взорвалась. Ему казалось, что его тело превратилось в термометр, ртутный столбик которого взлетел до самого верху, пробил кору головного мозга и забил фонтанчиком, а на заднем фоне даже слышались звуки симфонического оркестра.

На этот раз поцелуй длился так долго, что у него начало перехватывать дыхание, очертания перед глазами расплылись, прикосновение пальцев на затылке сделалось невыносимо острым, а затем мозг погрузился в онемение.

Все тело охватило онемение, которое мгновенно обратилось в ничто, и его конечности безвольно и неконтролируемо повисли. Лицо Нидхегг медленно приближалось, вырастая из расфокусированного пятна, и одновременно с этим лишенное всякой чувствительности тело охватил жар. Поры раскрылись, и в него непрерывным потоком хлынула энергия. словно перед лицом неминуемой смерти от заморозки ты набросился на обжигающе-острый сычуаньский хого: весь холод вмиг рассеялся, пряная острота ударила прямо в нервные центры мозга, и по всему телу разлилась неисчерпаемая сила.

Манящая пелена рассеялась, оставив Фэн Цихэна в полном оцепенении. Он не верил собственным глазам, не находя слов для описания этого ощущения, и мог лишь объективно и неторопливо вымолвить одно-единственное слово. Если попытаться подобрать подходящее

сравнение, то это было бы сродни состоянию слепого, который вдруг прозрел и увидел синеву неба, зелень деревьев и стройные ножки девиц летом — невыразимый коктейль из радости, восторга и легкой горечи утраты.

Это такой эффект от общения с Нидхегг... или он будет со всеми?

Как ни странно, первой мыслью, мелькнувшей в голове Фэн Цихэна, оказалась столь оригинальная догадка.

Пальцы, очерчивавшие контур у него на затылке, соскользнули, опустились вдоль руки и в самый момент, когда они должны были тяжело рухнуть на землю, были мягко пойманы в ладонь.

Он нашел это невероятным: за то время, пока Нидхегг обнимала его, в его тело словно изливался мягкий поток энергии, изгонявший застарелый холод и заполнявший даже самые незаметные уголки. Накопленная за долгие часы бегства ломота в мышцах также отступила — по своему эффекту это превосходило укол мощного стимулятора. Нет, пожалуй, даже лучше, прикинул он про себя: по крайней мере, на данный момент никаких побочных эффектов не наблюдалось.

Взгляд устремился вдаль. Дно бездны, прежде погруженное во тьму, теперь сияло дневным светом... Нет, погодите, как и раньше, никакой свет не мог пробиться сквозь густой туман. Взгляд Фэн Цихэна переместился: каждый уголок бездны теперь отчетливо просматривался, а затем он перевел его обратно — Нидхегг тоже смотрела на него широко раскрытыми глазами. Внезапно он издал испуганный вопль: возвышавшиеся позади него гигантские ледяные горы больше не скрывались завесой темноты — они рушились с небес на землю, подобно прорванной плотине, и обоими скатами прижимались к серо-фиолетовым скалам, наглухо перекрывая путь к отступлению.

Отступать было больше некуда.

— Это моя последняя божественная сила, — произнесла Нидхегг.

Обострилось не только зрение, но и слух. Каким бы тихим ни был ее голос, Фэн Цихэн отчетливо расслышал каждое слово. И это после нескольких часов пребывания в условиях оглушающего шума, когда даже избежать полной глухоты было бы чудом, не говоря уже о частичной потере слуха.

— Божественная сила? Последняя? Что это значит? — Фэн Цихэн все еще прикидывался простофилей, но руки его уже разжали хватку.

Что это значит? Та энергия, что разлилась по всему его телу, перетекла из Нидхегг? Судя по смыслу сказанного, это звучало как те сопливо-трогательные фразочки из старых революционных драм вроде я передаю тебе шанс на выживание, ты обязан жить за нас двоих. А

каковы последствия? Смерть? Пожалуй, для человека с таким ограниченным кругозором «смерть» была наивысшей ценой.

Раздумья Фэн Цихэна не успели завершиться, как лежащая перед ним Нидхегг на глазах уменьшилась в размерах, и ее прежнее высокое, зрелое тело прямо на глазах обнаженным превратилось в хрупкую и бледную большеглазую девочку.

Небожительница из Тяньшаня? Выпила столетнее зелье возвращения молодости? Или это фокусы с обращением времени вспять?

Он перебрал множество догадок, но ни одна не выдерживала критики. Столь неожиданная перемена заставила Фэн Цихэна даже забыть об исцелении, полученном всем телом. В его голове вдруг мелькнула страшная догадка: если вся эта энергия досталась ему, то необходимую цену за это заплатит Нидхегг. И хотя пока было неясно, в чем именно заключается плата, глупо было бы надеяться на бесплатный сыр. Причинно-следственные законы Иггдрасилия не станут исцелять твои раны просто так, заодно встраивая в глаза прибор ночного видения или латая тебе барабанные перепонки. Судя по текущему положению дел, уменьшение тела вполне могло оказаться ценой — или одной из цен. Но до каких пор продолжится это сжатие? Будет ли этот обратный рост двигаться от юноши к подростку, от ребенка к младенцу и в конце концов сожмется до зародыша? Фэн Цихэн пристально всматривался в Нидхегг: венчавшие ее голову черно-красные рога и выкрашенный тушью драконий хвост полностью регрессировали, и из-за своей миниатюрности, лишенной всякой угрозы, она теперь выглядела не иначе как малолетняя драконья дева. Окутывавшие ее длинные волосы также откатились назад, рассыпавшись по плечам и обнажив белоснежную, изящную шею.

«Деградация», наконец, прекратилась — именно так Фэн Цихэн окрестил это явление. Деградация живого организма была налицо, и на драконе отчаяния Нидхегг она проявилась с еще большей очевидностью. Главными признаками драконьей породы служат растущие в зависимости от возраста рога и мощный, сильный хвост. Прежде возвышавшиеся на целую пядь рога теперь напоминали лишь маленькие холмики, бугрившиеся на макушке бычка. Он мысленно прикинул: сейчас эта пара рогов едва ли достигала высоты одного фаланга пальца, а толстый, как питон, драконий хвост беспокойно извивался кончиком.

Он только хотел заговорить, как слова застряли в горле при виде появившегося перед глазами полупрозрачного экрана:

[Состояние: Кривизна пространства — дисбаланс]

— Сопровождающий Богов, — голос Нидхегг приобрел бархатистое звучание, похожее на голос юноши. — Божественная сила пробудет в твоем теле еще очень долгое время. Это последний дар, который я могу преподнести Сопровождающему Богов... Хотя по объему это не больше рыбьей чешуйки, для человеческого сосуда этого все равно через край.

Нидхегг была права. Коэффициент трансформации этой энергии был до ужасного мал, но и его

хватало, чтобы доверху заполнить человеческое тело. Например, если бы Нидхегг, непрерывно поглощавшая и расходующая энергию, служила сосудом с максимальной вместимостью в 1000 единиц, то обычный человек, никогда не знавший притока божественной силы, имел бы 0. Пересечь границу обычного смертного удавалось лишь Сопровождающему Богов: будучи связанным с Цзилин, он прорывал верхний предел нуля и превращал его в единицу. Трансформируясь в теле за счет божественной силы Цзилин, даже жалкий один процент составлял десятку, и хотя в процессе половина расходовалась, оставалось еще пять. Смешавшись с организмом Сопровождающего Богов, это давало куда более быстрый и осязаемый результат, чем потение в тренажерном зале.

— Дар? Большое спасибо, погоди-ка! С какой стати дарам появляться из ниоткуда? Ты ведь наверняка заплатила за это какую-то цену? Прямо как Один за свой глаз или Тыр за руку, — произвел подсчет Фэн Цихэн.

— Это нельзя назвать ценой. Всего лишь поддержание некоего баланса между вещами. Если уж настаивать, то платой станет сохранение моего нынешнего облика до тех пор, пока божественная сила не будет восполнена вновь.

Всего лишь сохранение нынешнего облика?.. Ну, это действительно трудно назвать высокой ценой. Фэн Цихэн с головы до ног окинул «детскую» форму Нидхегг взглядом знатока, любующегося необработанным неффритом. По сравнению с ее суровым и властным образом старшей сестры, нынешнее амплуа лоли — с внешностью умильной крошки и диким, необузданным характером внутри — казалось ему невероятно притягательным.

— И как долго это продлится? — Фэн Цихэн имел в виду форму лоли.

— В Царстве Великой Пустоты божественная сила не восполняется, так что это продлится до тех пор, пока мы не покинем это место и не найдем источник для подпитки. — Нидхегг, казалось, и сама еще не привыкла к новым ощущениям: она с недоумением сжимала и разжимала собственные ладони.

Да-да-да-да-да! Фэн Цихэн даже не знал, с чего именно начать свои жалобы — поводов для шпилек было столько, что у него перехватило дыхание. Он разинул рот и долго беззвучно хватал воздух ртом, не в силах вымолвить ни слова.

— Пожалуй, я к этому привыкну, — холодно произнесла Нидхегг после короткой паузы. И даже это холодное заявление в сочетании с ее очаровательным личиком лоли производило исключительно дерзкий и крутой впечатления.

Но Фэн Цихэн прекрасно понимал: эта цена ударила по физической оболочке Нидхегг, тогда как ее разум и характер оставались всё теми же — холодными, точно гордый драконий владыка, встречающий ледяной ветер на вершине скалы.

— Уважаемое божество, у тебя вообще есть хоть капля стыда? Конечно, спасибо за эстетическое наслаждение, но сейчас у меня совершенно нет на это времени. Судя по твоему

состоянию, идти ты не сможешь. Забирайся, я понесу тебя на спине. — Фэн Цихэн сбросил верхнюю одежду, обнажая торс, присел на корточки и занял исходную позицию.

— Ты... — ее голос заглушили пропахшие потом хлопчатобумажные ткани.

— Хватит ломаться. Накопленные травмы никуда не делись от того, что ты уменьшилась в размерах. Другими словами, твое деградировавшее тело в любой момент может не выдержать повреждений и развалиться на мелкие запчасти. Мне ведь потом придется добрую половину дня собирать твой конструктор! — он пресек попытки Нидхегг отказаться, прозвучав при этом так беззаботно, будто речь шла о разбитой кем-то игрушке на витрине универсама.

Нидхегг вовсе не была лишенной чувств игрушкой. По правде говоря, ее жизнь висела на волоске, и даже само движение по сжатию кулака потребовало от нее израсходовать последние крупницы сил. Боль пронзала все ее тело, казалось, будто каждую кость сначала переломали в крошку, потом склеили клейстером и снова перемололи. Сейчас ее внутренности выглядели точно так же, как и внешность — зрелище было поистине ужасающим. Самое главное — это тело, обладавшее какой-то маго-реалистичной эстетикой, напоминало демона, прошагавшего по роще кровавых игл: кровь сочилась из пронзенных ран, окрашивая багряные иглы и воссоздавая шедевральную живопись под названием «Печать ада».

Тому, что она до сих пор была жива, она обязана прежде всего своему крепкому, наполненному силой телу, а во-вторых — запредельной, уходящей корнями в самую глубь души гордости, выходящей за рамки всего живого. Ничтожные, подлые души втаптывают себя в грязь, и любое место для них — подходящая могила. Будучи чужаком, драконьим королем, что правил отвергнутыми землями Иггдрасиля, она лишь могла продолжать вращать шестеренки сансары, сражаться в прошлые эпохи с Одним и расправлять свои костяные крылья под заходящим солнцем в поисках места, где она сложит кости. Смысл существования для нее сводился к одинокому трону и обретению собственной достойной кончины. Настал бы день, и она пала бы в бою посреди ледяного Нибельунгена или искупалась бы в крови, сгинув вместе с богами, но только не умерла бы на дне этой дикой бездны, оскверняя свою гордую душу.

То, что лежало в его ладони, было столь хрупким — Фэн Цихэн чувствовал, что при желании вполне способен убить Нидхегг собственной рукой. Убийство злого дракона силой простого смертного в этом забытом богом месте становилось вполне реальным, но вместо этого он испустил долгий вздох. Дыхание за спиной было ровным и глубоким, все ее тело съежилось у него на спине, дрожа точь-в-точь как зализывающий раны щенок. Когда он поднимал Нидхегг, то прикинул ее вес: при росте около полутора метров она весила килограммов пятьдесят, и большая часть этой массы концентрировалась в одном месте. И вот это тело, по идее полное юношеской энергии и свежести, было сплошь покрыто бесчисленными ранами, сделавшими его жестоким и суровым.

— Нидхегг, — Фэн Цихэн попытался о чем-то спросить, но услышал тихое посапывание.

— Я слушаю, — тихо отозвалась Нидхегг.

— Да нет... спи. — Фэн Цихэн как раз пересекал каньон. Он ступал предельно осторожно: сквозь пелену ночного видения было видно, что над этим узким проходом нависли ряды каменных шипов, и стоило оступиться — как их тут же проткнет насквозь.

Из-за спины снова донеслось медленное, размеренное дыхание. И только когда этот звук почти совсем затих, едва не сводя с ума своей подавленностью, Нидхегг вновь подала голос:

— Больше не слышно грохота льда.

Грохотом льда она называла громоподобные звуки падающих на землю гигантских глыб. Расставшись с постоянно менявшимися облик металлическими санями, они двигались с ровной, умеренной скоростью, и когда они миновали ущелье, Фэн Цихэн, обернувшись, уже не увидел преследовавших их ледяных гор.

Мда, тишина стояла непривычная, мысленно ответил Фэн Цихэн.

— У меня есть вопрос, — неожиданно нарушила тишь прильнувшая к его плечу Нидхегг. — Почему ты без малейших колебаний бросился в Царство Великой Пустоты? С точки зрения здравого смысла это было не лучшим выбором.

В ответ повисло тяжелое молчание. Преодолев очередную волну прорывающегося сквозь туман ледяного ветра, Фэн Цихэн, похоже, сформулировал ответ:

— Ты читала «Повесть о героях Кондорах»? Был там момент, когда Ян Го бросился со скалы Обрыва Страстей. Его решительный характер, потерявшего цель в жизни, побудил его сигануть вниз, продемонстрировав всю глубину персонажа и силу его любви к Дракону... Да нет, к моему прыжку в Царство Великой Пустоты это не имеет ни малейшего отношения! Знай я, что мне придется нарезать круги вокруг Северного ледовитого океана, ни один черт не заставил бы меня прыгнуть! Сколько пафоса было в моих действиях тогда, столько же сожалений я испытываю сейчас. Твою ж мать, а ведь и правда больно! И ведь ты ни словом не обмолвилась, что эта работенка требует риска для жизни.

Фэн Цихэн скривился от боли.

— Впрочем, теперь прыгать или не прыгать — уже не суть важно. Сделай я худший выбор и останься наверху, они бы из гуманистических соображений переправили мой труп на родину... стоп, а мне оставили бы тело целиком? Я как-то не горел желанием быть запихнутым в посылочный ящик по частям, это смахивает на фильм ужасов. Не знаю, кажется мне или нет, но картинка перед глазами начинает слегка плыть.

Фэн Цихэн пока отбросил эти мысли, списав всё на собственное воображение.

— Да, кстати, о чем мы там не договорили... Хотя я мечтал стать Камен-Райдером, но даже

Камен-Райдерам нужно что-то жрать, так что я хотел бы уточнить насчет зарплаты и соцпакета. Полная ли страховка, каков размер медицинского покрытия? Знаешь, у меня сейчас болит буквально всё, надеюсь, это пойдет по статье производственной травмы. К тому же мне кажется, что сердце бьется как-то слишком быстро. О! Тысяча благодарностей системе социальной защиты, спасибо Бисмарку! Нет, я совсем не устал, просто чуточку жарко. Впрочем, твоя божественная сила действует так же эффективно, как укол адреналина — чувствую, что смогу прошагать еще часа три. Seriously, всё в порядке, отдыхать пока слишком роскошно, мне это ни к чему...

Как и предсказывала Нидхегг, за мгновение до того, как ее внутренний таймер дошел до нуля, божественная сила покинула Фэн Цихэна. Его колени подогнулись, и он рухнул плашмя, словно лишенный души скелет, с которого сняли оковы. Его руки, сделавшиеся мягкими, как водоросли, соскользнули с ног Нидхегг, позволив ей по инерции покатиться вперед.

Перед глазами Нидхегг простиралась лишь крошечная тьма. Она молча глянула из бездны вверх, а затем, словно что-то вспомнив, склонила голову набок, сместив взгляд вниз, и дрожащей рукой слабо коснулась головы Фэн Цихэна.

Как сосуд Фэн Цихэн еще не закалил свой «зародыш». Даже случайно заслужив благосклонность Божественного Царства, он не мог по своему желанию использовать божественную силу, столь уникальную для Иггдрасиля. Будь то крошечная частица божественной силы, переданная Нидхегг, или божественная кровь — свидетельство обожевления — все они требовали несокрушимого «зародыша», иначе сосуд просто бы разрушился. А выковать этот «зародыш» можно было лишь бесчисленными странствиями сквозь смертельные опасности Божественного Царства и закалкой плоти и духа на пути возвышения божеств.

Сейчас... Нидхегг закрыла глаза, и ее драконий хвост обвился вокруг запястья Фэн Цихэна, синхронизируясь с ритмом его дыхания. Ей нужно было выровнять частоту их дыхания: если переданная ею божественная сила была океаном, то тело Фэн Цихэна — плотиной, сдерживающей эту водную стихию. Однако, направляя сокрушительные валы на плотину, она обнаружила трещины в ее внешней оболочке. У Фэн Цихэна не было способности усмирить бушующие волны: они одна за другой обрушивались на плотину, и в то же время из-за переизбытка не находящей выхода силы под действием приливного эффекта происходил постоянный цикл отливов и приливов. На сей раз падение Фэн Цихэна означало, что отлив достиг своей нижней точки, и когда прилив снова хлынет на плотину, разразится неудержимое цунами. Сколько воды отхлынуло, столько же прибудет обратно, и взметнувшаяся волна полностью сокрушит трещащую по швам плотину, а хлынувшая единым потоком божественная сила просто утопит его.

Всё, что сейчас делала Нидхегг — это сглаживала буйство приливов, пытаясь спасти эту израненную плотину.

Она уже ничего не чувствовала: зрение, слух, обоняние, осязание и чувствительность были отобраны подчистую. Но прежде чем лишиться пяти чувств, она использовала их по максимуму. Глядя с плотины вниз, она видела лишь пустошь, где издалека возникали крошечные черные точки, мгновенно сливавшиеся в сплошную линию. В ушах стоял

непрекращающийся рокот прибоя, откуда-то изблизи тянуло соленым запахом крови, а леденящее оцепенение, казалось, пропитало самые кости. Ее голос потонул в реве прибоя, волна в одно мгновение закрыла половину неба, и весь мир заполнили черные, как тушь, валы. Соленый запах ворвался в рот, безжалостно растерзав ее в пучине прилива! В этом бесконечном сплетении она услышала кроткое дыхание, и тьма растворила их обоих в ночи.

Спи, дитя, этот путь был слишком долгим.

...

Пробуждение Фэн Цихэна разительно контрастировало с шумным окружающим миром. Сладостный стон пронесся по всей черепной коробке, он потянулся всем телом, словно танцор индийского танца, только что вылупившийся из кокона, а хруст в суставах принес невероятное облегчение. Ему казалось, что он проспал целый век; полный сил и праздного любопытства, он оглядел долгожданный мир.

— Ох ты ж... а я думал, это был кошмар, оказывается, реальность просто отвесила мне смачную затрещину... — Фэн Цихэн уныло поскреб в затылке, но тут, ощутив незнакомую тяжесть в теле, заметил драконий хвост, обвившийся вокруг его руки.

— Нидхегг... — лицо его побледнело.

Он приподнял руку, и натяжение хвоста заставило его заметить расprostертую на земле Нидхегг. Разорванные раны снова обагрили кровью ее хрупкое тельце, проступая яркими алыми пятнами даже сквозь просторную рубашку с коротким рукавом.

Он не понимал, что произошло за это время, но столь обильное кровотечение привело его в растерянность. Он бросился к Нидхегг, но тут же резко стал предельно осторожен, страшась нанести ей необратимые повреждения собственным весом.

Но... когда он в панике отбросил её длинные пряди волос, то обнаружил, что её глаза безжизненно смотрят на него — нет, не на него, они сквозь его тело глядели в бескрайнюю темноту.

Нидхегг слегка задрожала; в этот момент она походила на испуганного котенка, который всем телом трясется от страха. Фэн Цихэн ещё не видел её в таком состоянии: куда подевалась та резкая, властная женщина с копьём, неужели непревзойденный Король Драконов угас вместе с закатным солнцем? Одинокая, отрешенная от мира аура исчезла с её лица. Раньше, когда Фэн Цихэн видел её, между ними неизменно словно струился слой за слоем легкой вуали — или, выражаясь более современным языком, их разделял экран монитора, по ту сторону которого он воображал себе её очертания. Этот трансцендентный и всемогущий образ постепенно обретал форму с течением времени. Но когда вуаль сорвали, и оба без всяких преград сбросили защиту, её драконий облик растворился, таинственное покрывало было сорвано, а блестящая оболочка Короля Драконов со страшным треском рухнула вдребезги. Расколотое драконье тело просело, явив миру то, что она тоже способна чувствовать боль, тоже

может умереть и точно так же уязвима, словно напуганный, беспомощный и заблудший ребенок.

— Т-т-твое тело такое холодной... Ты что, собираешься помереть? — выпалил Фэн Цихэн, размахивая руками, и лишь после этого сообразил, что именно сказал. — Дурной знак, дурной знак, дурной знак! Не-не верь мне, я ляпнул не подумав!

Сказав это, Фэн Цихэн почувствовал, что тело Нидхегг и впрямь леденеет, словно спрятанное в ледяном погребке. Если бы не доносившееся дыхание, он бы и впрямь подумал, что забрел в больничным морг и вытащил оттуда самую красивую и цветущую красотку.

Хотя... подобное сравнение звучало довольно извращенно — мало того что извращенно, так еще и лишено всякой этики.

Рука Нидхегг, согнувшись, приподнялась и вслепую зашарила вокруг, карабкаясь вверх по поддерживающей её руке Фэн Цихэна, пока не ущипнула его за щеку. Неизменившееся пустое выражение лица и взгляд, устремленный в темноту, — всё это не оставляло сомнений: она ослепла.

— Эй, эй, быть того не может! Ты что, ослепла? Я же говорил, с чего вдруг у такой платы за услугу мог быть бонус в виде вечной молодости? — Голос Фэн Цихэна дрожал. Не обращая внимания на то, что пальцы на его щеке сжались сильнее, он замахал рукой всего в трех сантиметрах от бровей Нидхегг.

— Сопровождающий Богов, — раздался всё тот же чарующий мальчишеский голос. — Я уравнивала в твоём теле передаваемую божественную силу. Запомни этот круговорот: он — важнейшее звено в поддержании баланса спроса и предложения приливных волн божественной силы. Я не нашла доказательств твоей связи с Божественным Царством, а потому невозможно доказать ни направление, ни масштаб прилива божественной силы. Без покровительства Божественного Царства рождается лишь прямая, почти параллельная ему линия. Я не уверена, чего именно не хватает в этих промежуточных звеньях, возможно, произошла ошибка, но твоё тело действительно способно вмещать ничтожно малое, не поддающееся измерению количество божественной силы — в этом сомнений нет.

— Погоди, погоди-погоди. Что это значит? Нет ли какого-нибудь практического словаря божественного мира, чтобы я мог посмотреть значение этих терминов? — Фэн Цихэн начал нервничать.

— Рождение Сопровождающего Богов происходит в ответ на зов Божественного Царства, когда обычное существо пробуждает скрытую энергию и эволюционирует, становясь трансцендентной сущностью. «Сопровождение богов» означает «идти рука об руку с богами». Божественное Царство наделяет божественной силой Сопровождающих Богов и Цзилин на равных, а также автоматически регулирует баланс при нарушении равновесия божественной силы — это не только защита неопытного Сопровождающего Богов, но и эффективный способ достичь «духовного резонанса» между ними. Однако я никогда не замечала в твоём теле и

следа какого-либо стороннего вмешательства. Изначально всё выглядело хаотичным и первозданным. Никогда прежде я не ощущала мощь приливных волн божественной силы столь отчетливо, — голос Нидхегг стал тише. — Теперь, вспоминая об этом вновь, я понимаю, что Иггдрасиль находится в стадии «сансары» и не обладает условиями для призыва Сопровождающего Богов, ты...

— Эй, эй, почему между строк твоих слов читается: «Я ошиблась, ты — бракованный товар со скидкой, и хотя я очень благодарна за твою помощь, продиктованную самопожертвованием, по правилам тебе лучше бы самому сойти с корабля и продолжить влачить свое жалкое существование»? Разве это справедливо?

— В твоём теле течёт моя кровь, — спокойно произнесла Нидхегг, повергнув Фэн Цихэна в шок.

— Божественная кровь стабилизирует колебания приливов божественной силы. Это моя связь с тобой, осуществлённый один на один «духовный резонанс» в обход контракта и избыточности Божественного Царства. Возможно, Иггдрасиль и не призывал тебя, но между нами существует куда более прочный контракт, чем с Божественным Царством, и пусть с натяжкой, но статус «Сопровождающего Богов» теперь закреплён за тобой. А теперь я собираюсь сказать кое-что ещё, объяснение, касающееся «Крови Бога»...

Пальцы Нидхегг внезапно разжались, соскользнули с лица Фэн Цихэна и упали на окрашенную багрянцем землю.

— На очереди следующее, — пробормотала она, глядя на упрямое лицо Фэн Цихэна. — Сейчас, в качестве платы за балансировку приливных волн божественной силы в твоём теле, я поочередно лишаюсь органов чувств парами, соблюдая порядок: зрение, слух, обоняние, осязание, ощущения. Настал черед осязания — полностью пропадёт способность чувствовать прикосновения к телу, а вслед за этим наступит очередь ощущений: отключатся мои способности речи и логики. Это время станет окном, когда приливные волны божественной силы выйдут из-под контроля, и именно поэтому я заставила тебя запомнить круговорот. Возвращаясь к сути: «Кровь Бога» — это пропасть, неизменно разделяющая людей и божеств, а существование Сопровождающих Богов призвано ниспровергнуть то, что «люди становятся придатками богов из-за своей заурядной крови». Она прокладывает лестницу перехода от человека к божеству. Смешанная родословная позволяет Сопровождающим Богов вести диалог с богами, и некогда доминировавшее Божественное Царство ныне превратилось лишь в один из путей для смертных к обретению божественности. Когда «Кровь Бога» очистится от примесей на этом пути, ты превратишься из лепечущего младенца позади божеств в истинного «Сопровождающего Богов»...

— Истинного... идущего рука об руку с богами.